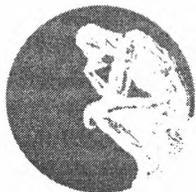

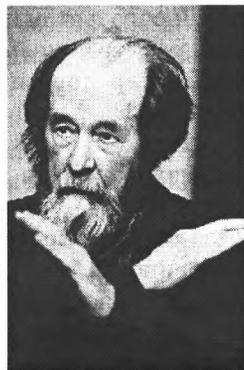
Теория и исследования

Личность в контексте культуры

Александр Солженицын

**БЫТЬ ЛИ НАМ,
РУССКИМ?***

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЭТО СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Такой повязанной пленницей была Церковь при большевиках, что освобождение могло нести, казалось, лишь одну радость. Первые шаги – так и виделись, неомрачённо светлыми. Но и для освобождённой Церкви – переход не мог оказаться прост, как и для всей России.

При том что семи десятилетиям неволи у безбожников предшествовало не лучшее для русской Церкви столетие. Весь XIX век, за малыми исключениями, длился процесс окаменения форм ее жизнедеятельности. Он сопровождался отпадением от веры и Церкви большей части образованного класса (по причинам также и *своего* развития). А с XIX на XX стала охладевать и отпадать уже и заметная часть престоляродья – что и было одной из решающих подоснов революционного взрыва в 1917. Наряду с подвигами святости в недрах Церкви – в приходской обыденности настаивалась духота, это ясно видели многие иерархи и преданные Церкви миряне («Соборяне» Лескова). Неизбежно зрела реформа церковной

* Печатается с разрешения автора по изданию: *Солженицын А.И.* Россия в обвале. М.: Русский путь, 2002. Окончание. Начало: Развитие личности. 2004. № 1. С. 36–41; № 2. С. 13–27.

жизни, и в начале XX века готовился для того Собор – но все эти начинания были остановлены волею монарха.

И как же встретила русская Церковь великую российскую Катастрофу Февраля 1917 – безумный государственный переворот, да во время великой войны? Синод обратился к народу с призывом признать ту хаотическую революционную власть «властью от Бога», проявился к ней даже не отрешённо-формально, но угодливо-приветственно, призвал на неё благословение Божье, и подписи поставили – да, и Сергей Страгородский, но и будущий Патриарх Тихон, но и епископ Антоний Храповицкий, – все три будущих церковных направления приложились к этому греховному источнику наших последующих бед. (И православной Церкви Зарубежья, гордящейся своею чистотой от большевизма, когда она посылала и посылает Церкви на родине гневные обвинения в непростимом «сергианстве», но ещё непростимее пошла на прямой подрыв Церкви в сегодняшних приходах, – следует этот тяжкий момент помнить.)

Затем наступило как будто самое обнадёжившее развитие – успешный, многомысленный церковный Собор 1917, но он был оборван обстрелом Кремля из большевицких пушек. А дальше – и настигло нашу Церковь лютое гонение полувековой долготы, с уничтожением десятков тысяч священнослужителей (утопление целых семей в проруби, иссечение шашками на части, это все теперь позабыто), предпримером чего было только античное гонение на христиан. И тысячи погибших проявили беззаветную преданность вере, сознательно выбрали гибель за Христа – но, увы, их жертвы, их личный героизм не могли оцитить остальной православный народ, ни ту Церковь, которая начала еле дозволенное, робкое существование в шаткой и урезанной легальности от 1943 года, да и ещё раз попала под сумасбродные хрущёвские гонения.

И сегодня следует сочувственно помнить и понимать, из какого краха, из каких унижений, из какого повального разорения и ограбления встанёт наша Церковь, ныне без материальной опоры.

Да, конечно, многие хотели бы, и ждут, и справедливо, чтобы Православная Церковь укреплялась бы *совершенно самостоятельной*, авторитетною силою в стране – ибо всякие государственные подпорки только ослабляют Дух Церкви. Чтобы не участвовала она в демонстративно-телевизионном «воцерковлении» власти – столь недостойной и запутавшейся; но самоустановленным, уверенным голосом обличала бы слепость или поощри-

тельность властных лиц к разбойным силам. Чтобы голос Церкви когда-то же твёрдо зазвучал в помощь нам и в защиту, в повседневном нашем барахтаньи.

Но и помня же, и помня безмерную физическую слабость сегодняшней нашей Церкви, прореженность, неукреплённость состава её служителей (на исправление чего потребуются годы и годы), уместно нам не упреки слать сегодняшней Церкви, а – ужаснуться нашей собственной слабости и ничтожности, как мы допускаем всё происходящее, мы, сами верующие? Те, кто равнодушны к судьбе Отечества, – они ведь и бесполезны для воления его.

Сегодняшние трудности нашей Церкви – далеко не только материальные:

Один ряд сложностей – роль Церкви в обществе и в повседневной жизни людей. Законно отделяясь бы от государственной власти. Церковь не может разрешить себе отделиться от общества и его вопиющих нужд. Вот эта многовековая традиция внесоциальности православия – как горька при сегодняшнем гибельном состоянии русского народа и страны. Именно в такое разорённое время, как наше, люди нуждаются в чьей-то сильной духовной поддержке (и – чьей же?) во всех сложностях общественного их бытия. Сегодня уже есть отдельные священники, отдельные приходы, которые много делают вне стен своего храма, – но передастся ли это всей Церкви как сознательное стремление? Католичество ли, протестантство, ислам – все они социально активны, и в этом естественно проявляется связь народа со своей религией. Православная Церковь должна занять достойное место в общественной жизни России (найти место и в армии), однако в достойной же мере не опускаясь до профанации обрядов (как освящение суетных угодий). И не входя в конфликт с другими традиционными в России религиями: значением своей роли и силой влияния не переходя ту грань, за которой могли бы возникнуть трещины в целостности многоверной и многонациональной страны.

Другой ряд – внутренние проблемы Церкви. Неокрепость восстанавливаемых духовных училищ, неспособных насытить по всей стране потребность в высоко образованных священниках. После опустошающих большевистских десятилетий и при нынешнем буйстве новоязыческого сознания – трудность поиска верного языка для проповеди и убеждения. Как именно строить обучение детей? и как просвещать пришедших в Церковь взрослых? Споры внутри Церкви о допустимости частичного перехода с церковнославянского языка богослуже-

ния на русский. Противоречия крыльев: настойчиво (иногда и резко) реформаторского – и окаменело-ортодоксального: не только ничего не менять в развитии, но вообще, по возможности, восстановить дореволюционный дух и строй Церкви. (Однако: как ничто в России не может вернуться к дореволюционному бытию – так не может вернуться и Церковь. Поиск и движение неизбежны и при глубокой верности традиции.) Ежегодные архиерейские соборы усердно работают над этими проблемами; но много надо мужества – осознать их открыто и со всеми выводами. (И когда же дойдёт до истинного примирения с нашей кореннейшей ветвью, со старообрядцами? не до «прощения» их, а принесения им раскаяния за жестокие гонения в прошлом. Неужели и сегодня, когда вся разорённая Россия не ведаёт, быть ли ей, в эту великую русскую Беду, – мы и тут всё не можем из гордыни признать ту древнюю тяжбу надуманной?)

В наше новоязыческое время звучат и раздражённые голоса против «расслабляющего» христианства, якобы губящего нашу национальную историю. И голоса, возвышающие патриотизм в ущерб православию и выше его. Разумеется, мы вступаем в веру как с нашими личными, так и национальными особенностями и мирочувствием. Но дальше, в ходе религиозного развития, если оно нам удаётся, мы возвышаемся до больших высот, до охвата значительно более широкого, чем национальный. Наше национальное распыление, произошедшее в XX веке, как раз и истекает из утери нами православной веры, из самоутопления в новом свирепом язычестве. При отказе от православия и патриотизм наш приобретает черты языческие.

Ныне на территории России ведётся активная «миссионерская» или даже пропагандистская деятельность инославных, иноверных и сектантских проповедников, изобилующих денежными средствами, подавительными в сравнении с нищетой нашей Церкви. Все эти проповедники (и даже организаторы образования и воспитания нашего юношества!) настаивают на своём *юридическом* праве на то. Допустим. Но юридическая ступень суждений – весьма невысокая ступень: *юридизм* изобретен как тот минимальный порог нравственных обязательств, без которого и ниже которого человечество может опуститься в животное состояние.

Однако ни исторически, ни мирочувственно, ни культурно, ни в душевном строе, ни бытийно – эти проповедимые варианты не могут заменить нам православия. Уже сложилось так, что 1000 лет наш народ рос и жил именно

в православии. И не пристало нам теперь от него отшатываться, но прилагать его в благоразумии, в чистоте, при грядущих и новых соблазнах ещё и XXI века.

Сегодня, пусть несовершенно, но всё же весьма скромные государственные меры к защите традиционных в России религий вызвали гневную газетную волну (разумеется, радостно подхваченную радиостанцией «Свобода») – но не против этих всех религий, нет, *тут* не атеизм, а именно и только против православия: нам грозит «православизация всей страны», «казарменное православие». «Патриарх систематически сращивает патриархию с МВД». И даже такое: эта Церковь «тоталитаризм впитала как материнское молоко», она – «один из рычагов отката общественного сознания», предсказываются ей «скандальные разоблачения», «не исключая сотрудничества Церкви с криминальными структурами». Да что там! да в духе той запредельной развязности, какая числится высшим стилем нынешней российской прессы: даровано «Патриархии право первой ночи», «сегодня нами правит не Ельцин, а Алексей II»*.

Из тех, кого в безгласное время миновало красное копыто, – теперь, в гласной России, глумятся над православием, над всяким несовершенным проявлением веры, и у них не встречают уважения десятки тысяч мучеников, потоптанных теми копытами. Смутен же обрыв Тысячелетия христианства на Руси.

Но тем сложнее положение думающих, ищущих епископов, священников: церковные формы не могут костенеть вторую тысячу лет, они сами просятся к развитию, к уточнению в подвижной, бурной эпохе. А круги, – пребывающие в застылой неподвижности, то и дело «смирляют» их, осаживают. И – что делать? Открытый спор, распрямление встречают оценку «духовного бунта», а главное – вносят в Церковь дух раскола, десятижды нежеланный при этой внешней яростной атаке. Но как тревожно, как угнетает опасная возможность, что ответом станет – самозакрытие, цепенение Церкви.

А в сегодняшней разгромленной, раздавленной, ошеломлённой и развращаемой России – тем видней: вне духовной укрепы от православия нам на ноги не встать. Если мы не бессмысленное стадо – нужна же нам достойная основа нашего единства.

Преданно и настойчиво нам, русским, следует держаться за духовный дар православия – уж видно, что из наших последних, теряемых даров.

* Общая газета. 31.12.1997. С. 10.

Именно православность, а не имперская державность создала русский культурный тип. Православие, сохраняемое в наших сердцах, обычаях и поступках, укрепит тот духовный смысл, который объединяет русских выше соображений племенных. Если в предстоящие десятилетия мы будем ещё терять и объём населения, и территории, и даже государственность – то одно нетленное и останется у нас: православная вера и источаемое из неё высокое мирочувствие.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Повседневная реальная жизнь людей зависит – на четыре пятых или больше – не от общегосударственных событий, а от событий местных, и потому – от *местного самоуправления*, направляющего ход жизни в округе. Именно так и регулируется жизнь в странах Запада: через эффективное местное самоуправление, где каждый имеет возможность участвовать в решениях, определяющих его существование. И только такой порядок есть *демократия*.

А что такое были у нас *советы депутатов*? От начала же, в 1917, советы (искажённая копия дореволюционного земства) были созданы не как представительства ото всего населения, а для политической цели: как орган диктатуры одних слоев (рабочие, солдаты) над другими слоями. В дальнейшем ходе революции советы потеряли и эту роль и стали лишь декорацией власти компартии. И подчинялись они не только местным партийным органам, но и центральным «советским», сверху вниз по своей «советской вертикали», что лишало их и последнее облика местной самодеятельности.

При перевороте августа 1991 возникла наивысшая возможность создать в России демократическое народное самоуправление – «демократию малых пространств». Ещё не потеряна она была и в октябре 1993, при роспуске советов. Но наши центральные власти не сделали и движения к тому, головы их были заняты расчётами другими. Первые попытки местного самоуправления душились, из соперничества, и политическими партиями, их совместным фронтом (как это было в Красноярске с 1991: коммунисты и демократы из «Выбора России», заодно; да не в одном Красноярске).

И обе наши Государственные Думы, одна за другой, равнодушно тормозили выработку дееспособного закона о местном самоуправлении, который открыл бы ему законные пути и финансовые возможности. Принятые, ими законы-выкидыши не открыли этих возможностей.

А ведь по Конституции 1993 года, статья 12, «признаётся и гарантируется местное самоуправление», его «самостоятельность» и что оно «не входит в систему государственной власти», – так дайте же такое наконец! Нет: где и построено подобие самоуправления, оно есть подчинённый придаток управления государственного. (С другой стороны, опрометчиво имитируя несозданное самоуправление – государственная власть пошла на рискованное разрушение собственной вертикали, допустивши выборность губернаторов, затем, местами, и районных администраторов. При сегодняшнем параличе центральной власти это может, да, оживить и облегчить жизнь в областях – но временно. А во сколько-нибудь дальновидном обзоре это ведёт к утере единого управления государством, к возможностям сепаратизма и даже распада. Такая цена неразумно уплачивается всего лишь из боязни вырастить подлинное народное самоуправление, из боязни объединительных – помимо власти – движений в народе).

Ещё бы! Очень нужно законодательное открытие пути к народному самоуправлению. Но если, вот, за пять лет, от разгона советов, не дождались – сколько ждать? Нам, видно, не скоро его дадут, а если дадут, то урезанное и без местных финансов. В отдельных областях более разумные, отзывчивые губернаторы, кому слышней и видней народное горе, быть может, пойдут на помощь пошире.

Но даже если не откроют нам путей местного самоуправления – в жизненных интересах народа: тем, кто не потерял ещё активности, надо действовать, самим! – не дожидаясь разрешительных законов от закостеневшего Центра: он может ещё нескоро, нескоро очнуться. В сегодняшней России – и многое пребывает в отказном состоянии: нельзя и всё.

Начинать с терпеливого решения местных частных проблем. Объединяться для этого по каждому возникающему поводу – бытовому, профессиональному, культурному, в круге житейского интереса. Объединяться в активные общественные, профессиональные, культурные группы. В любом месте и в любом малом числе работать над каждым краткосрочным или долгосрочным делом. Всякое такое объединение – это форма и способ перешагнуть нынешнее лихое бесчувственное безвременье.

Стать главной движущей и работающей силой местного самоуправления – самое зовущее место для нашей провинциальной интеллигенции, ныне, мало сказать, невостребованной, но брошенной в нищете и отметенной

в сторону метлою всех «шоковых» реформ. А ведь интеллигенция эта – честная, высокограмотная, трудовая, самоотверженно идеалистичная, многоотзывчивая, прямая наследница своих дореволюционных предшественников, – уникальное богатство России.

Каждые возникающие на месте очажок, звено, самодвижность – культурная, образовательная, воспитательная, профессиональная, краеведческая, экологическая, землеустроительная, хоть садово-огородная, – они все и есть деятельные зачатки местного самоуправления, даже будущие составные части его структуры. Им – и соединяться в общих усилиях, и начинать направлять местную жизнь, разумно, спасительно, а не в тупик, как загоняет нас многое начальство и столько Указов. Может быть, для начала придётся спланировать и прежде, чем станут возможны законные полноценные выборы местного управления.

Возражают: но ведь мы – *не умеем!* Ведь у нашего народа слабое правосознание! Однако беды, в которые теперь народ попал, динамично обостряют его правосознание. В самом *процессе* борьбы за народное самоуправление – оно и будет крепнуть. Да не сразу же всё создать в законченном виде! Нет, последовательными приближениями, на пробу.

И так возражат: да где набраться способных людей? А что – на *верхах* мы видим способных больше?

Но ещё уничтожительней возражение: как создавать без денежной основы? как обеспечить новорожденному самоуправлению финансовую независимость? Повсюду слышал: «Налоги платим, а с них ничего не остаётся нам самим, для нашей местности». Да, налоги, собираемые с местного имущества, местных предприятий, промыслов, местной торговли, развлекательных заведений, туризма, – должны все оставаться для использования местного (но не по местному произволу, а по предусмотрению закона). И ещё: налоги с залежей местного значения – камни, глины, водяные источники, – однако не недра! Недра и леса общегосударственного значения не принадлежат ни тому счастливчику-селу, ни тому счастливчику-району, области, автономной республике, – нет! Они принадлежат только всему государству в целом! И ещё: успеть бы как-им-то испоследним законом остановить «приватизационное» раздирание местной собственности.

И наконец: не все же новобогаты – с обезумелым волчьим сердцем. Есть же среди них и открытые к благотворению, как это всегда велось на Руси. Среди нововыросших предпринимателей, утвердившихся денежно, есть

же и порядочные люди – и они своим благотворением уже помогают добрым начинаниям. А другие – помогут завтра. У тех из них, кто сознаёт ответственность перед судьбой России, есть большие возможности повлиять на качество нашего образования, культуры – а даже и шире того. Да весь народ никогда и не действует как целое; не ото всего сразу народа и ждать начала осмысления и движения – Река начинается с ручейков. Разные частные проблемы пересекаются, сочетаются – так и сольются в одно общее движение.

В нынешние тяжкие годы, когда центральная государственная власть России открыто для всех потеряла благонаправленное управление страной, – Россию нельзя спасти без энергичного, деятельного народного участия.

Если мы сами не готовы к самоорганизации – не на кого нам жаловаться.

Проверка нас самих, чего мы стоим и какой же достойны судьбы.

ЗЕМСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Безотложно созданное местное самоуправление – в дальнейшем может стать основанием для постепенного построения *земской вертикали*.

В огромной и разнообразной России одна лишь центральная правительственная власть, изливаемая сверху вниз, не может обеспечить благоденствия народа. Необходимо встречное, снизу вверх, влияние.

Ещё в Московской Руси, четыре века назад, существовала система *договорных грамот* между *местом* (посёлком, местностью) и вышестоящей властью: что обязано место выполнить и отдать государству, а что обязывается встречно власть. Эти грамоты опубликованы, можно читать их, дивиться и учиться: насколько же мы были 400 лет назад предусмотрительней, обязательней, взаимодоверительней. (Хотя сегодняшняя власть и подписавши бы – станет ли выполнять?)

Так уже в XVI веке в России действовало местное самоуправление – земство. Оно прекращалось при петербургской династии, снова возродилось при Александре II – и живительно действовало до самой революции. Большевикам эта народная самодеятельность стояла попереёк горла, и они тотчас разогнали земства повсюду. (Но историческая память нашего народа так затемнена, а испуг от прожитых десятилетий так велик, что слышал я: «Что́ это – земство? А не будут в него загонять, как в колхозы?»)

Земство – это объединение всех людей, живущих в данной местности и имеющих занятие в ней. Объединение внеполитическое, внепартийное и вненациональное, оно не может зависеть ни от партийного признака, ни от национального, – иначе оно теряет свой смысл и назначение.

Земская система есть форма *народного самоуправления*, во всех ступенях своих живо связанная с народными интересами и потребностями. Она сущностно отличается от стандартного парламентаризма и от ныне действующей у нас политизированной избирательной системы – тем, что открывает путь для истинных, достойных представителей народа, постоянно ответственных перед населением избравшей их местности.

Принципиально отличается земство и тем, что принятие в нём решений основывается не на количественном механическом подсчёте голосов, но на качественном сопоставлении мнений и учёте интересов всех представленных социальных групп, сообразно их вкладу в жизненное существование данной местности. Это отличается от современной практики, но соответствует издавней русской традиции обсуждений и решений: от сельской общины и до всероссийского представительства – должна взвешиваться *правота доводов*, а не число голосов; особые мнения не должны быть просто подавлены голосованием, надо искать формы не простого большинства. Конечно, первое условие тут – благоприятствие взаимных отношений, способность выслушать и понять другого. А без этого – и не начинать, без этого – и никогда ничего доброго у нас не вырастет.

Земская власть полномочна распределять местные средства и – разветвляясь на местную образовательную систему, медицину, сохранение природы, противопожарную службу, аварийную, агрономическую, мелиоративную, дорожное и бытовое строительство, помощь нуждающимся, краеведение, статистическое изучение происходящего и ещё десятки плодоносных направлений – становится, собственно, не властью, как администратор из правительственной вертикали, а органом целящим, восстановительным, воспитательным, убеждающим, открывающим простор для разумных и действенных сил населения.

Поскольку в нынешних условиях земство мыслится для всех видов поселения, встаёт вопрос: как именно может строиться народное самоуправление в крупных городах? Мы не берёмся предлагать, сознаём, что тут недочёт, это требует отдельной основательной разработки.

(Начиная с выборности главы ЖЭКа? дворовых, квартальных, уличных комитетов?)

Но в *общем* виде, для страны, органичны были бы четыре ступени самоуправления: местное – уездное – областное – всероссийское. (Уезд – это устоявшееся русское, очень понятное слово. Сегодня удобно понимать под ним обычный административный район – в отличие от внутригородских «районов» и «микрорайонов».)

При выборе в местное земство (это «сельсоветская» группа деревень или некрупный посёлок) по однородности населения, очевидно, без нарушения справедливости может быть применено обычное количественное голосование. Однако уже в уезде население разнообразно по занятиям и социальным интересам – и следует все главные из них представить в уездном земстве. Это может быть достигнуто издревле известной системой «курий», сословно-корпоративного устройства: однородная группа избирателей шлёт в выборный орган своего представителя. В низшем земстве, очевидно, достаточно старшины (на оплате) и ещё двух членов правления (без оплаты) при нём. В уезде сама местность, по своим особенностям, устанавливает число членов уездного земского собрания (они – не получают зарплаты за своё участие, они – не чиновники, но радители местного блага, на том и действуют, и лишь исполнительный орган, земская управа, состоит из минимального числа платных служащих). Соответственно то же – и в областном земском собрании (не так, как в нынешних областных законодательных: депутаты состоят на содержании у исполнительной власти, а значит и зависят от неё), и в областной земской управе. Сам земский аппарат не должен заметно обременять земского бюджета.

Та же оговорка и тут: а найдётся ли столько бескорыстных людей, способных отдавать силы и время спасению своей местности? Ну, а если не найдётся – мы не стоим ничего как народ, тогда, в ослаблении, оставим все заботы.

Также в каждой местности, по её традициям и разумению, устанавливается для участия в земстве свой возрастной ценз и ценз оседлости: как для права голосовать, так и для права быть избранным – свой минимальный возраст, обеспечивающий ответственность избирателя, и минимальный срок проживания, обеспечивающий соучастность в делах местности. (При нынешней усиленной миграции – срок проживания в этой местности, вживания в неё – важное условие. А ещё, мне сейчас толково предлагают на встречах и в письмах: пусть на случай

проявленной непригодности будет сильно упрощена процедура отзыва депутата. И этот порядок сам по себе уже есть эффективнейший народный контроль.)

Такая земская система коренным образом решает и национальные осложнения: реальная внеэтническая её устраняет подбор управляющих лиц по национальному признаку, как это имеет место сегодня во многих автономиях, даже при меньшинстве «титულიной» нации; напротив, в местах сплочённого множественного проживания какой-либо нации – местное самоуправление естественно формируется главным образом из неё. Так истинная, а не голословная, демократия сама собою снимает межнациональные напряжения. Любые привилегии или стеснения по национальному признаку разрушают самый принцип земства. Национальное же творчество повсюду сохраняет свою особость в отношении религии, культуры, образования, школы. (Может быть, лишь особый уклад жизни пространственно рассеянных малых северных народов Сибири диктует для них – отдельную форму самоуправления.)

В последние годы земское движение уже и началось самопроизвольно в разных концах России – да опало, где без поддержки, где от противодействия властей и безденежья.

По мере того как – и если – земство начнёт реально создаваться, его и на местах, и целоохватно (как уже существующие Российское Земское Движение, несколько локальных Земских Союзов) подстерегают новые опасности: и которых ещё нельзя сегодня предвидеть, и уже предвидимые, уже явные. Одна опасность – корыстное использование земского движения политическими партиями и отдельными политиками – как возможного избирательного резерва (такие признаки уже есть). Вторая – создание псевдоземских движений: использование лозунга земства в каких-либо иных целях. Третья: местные воздействия на земский процесс насилиями и угрозами. (Когда я в сибирской поездке призывал слушателей не промахиваться хоть в местных выборах, – ибо в центральных, не зная кандидатов, скорее ошибутся, – мне отвечали: так в *местных-то* и страшно высказываться, тут мы все на виду, вот и прижмут меня.) Ещё опасность: при нынешней распухлости нравов самоуправление в каких-то местах может стать формой самоуправства.

Введение земской системы не может быть иным, как медленно постепенным, как дерево растёт, не задаваясь никакими искусственными сроками. Лишь после успеха в осуществлении земства местного, допустимо расши-

рять и развивать опробованные методы – для создания земства уездного, позже – и областного. (Ступенчатую систему введения земства в России я и предложил в «Обустройстве».) Развитие ступенчатой системы отнимет немало лет: чтобы каждая ступень имела время освоиться с задачами – и выделить представителей в ступень вышестоящую. (Конечно, и об этой, как и любой другой предлагаемой системе так же возразят: «да всё равно пролезут карьеристы и воры!» Но это – философия отчаяния: тогда вообще не надо ни искать, ни предпринимать ничего, а сразу опустить руки: мы погибли.)

Однако, глядя вперёд в отдалённое время, если и когда Россия приобретёт успехи и навыки в земском самоуправлении, будем надеяться на создание и вершинной системы земства – Общероссийского Земского Собрания (в нашей истории – Земские Соборы). Выросшее из многоместного сознательного, бескорыстного и жертвенного опыта самоуправления, оно с большей вероятностью представит собой *действительную* волю народа, не ту показную, которую изображают ныне политизированные парламенты. Оно увенчало бы собой всю земскую вертикаль власти – по реальным полномочиям и родам деятельности самую широкую внизу, а верху – с ограничением компетенции, но высоким моральным весом. (По старорусской формуле: «Царю власть – народу мнение». И если это *мнение* весомо высказано – то им не пренебрежешь. Ключевский отмечает, что в Московской Руси Земские Соборы не противостояли царю, а сотрудничали с ним.)

Такая земская вертикаль, независимо выросши рядом с вертикалью правительственной (у которой наибольшая компетенция наверху, но сильное сужение её внизу), создала бы в России *сачетанную власть* – *государственно-земский строй*, – при котором одновременно и сохраняется централизованное государственное управление – и жизнь народа реально направляется им самим. На каждом уровне – местном, уездном, областном и высшем – правительственная вертикаль проверяет земскую на строгое выполнение законов, а земская правительственную – на честность и открытость ведения дел. И президентская власть так же оказалась бы под совестным просвечиванием земской вершины (чего ныне так не хватает нам).

Государство должно строиться одновременно и сверху, и снизу.

А СОПРОТИВЛЕНИЕ?

Нынешняя власть упоена своею собственной обогащательной жизнью, и интересы народа для неё в полном пренебрежении, она их не чувствует, и мало надежды, что почувствует в следующих накатах. Нравственные требования – выше тех, какие можно вставить в любую Конституцию, и конституционная ответственность Правителя не возвышается до публичного признания своих ошибок и провалов.

Олигархия – сплочённая хунта, захватившая и деньги, и национальные богатства, теперь уже и власть, добровольно не допустит никакой смены себе, а понадобится – без колебаний применит для того и выращенные, укреплённые многочисленными *внутренние войска*.

И напрасны надежды, что нынешняя власть или те, что сменят их через «выборы», заплавленные денежными миллиардами, – позаботятся о судьбе вымирающего народа. Этого – не будет. Нет вредней, как цепляться за иллюзии, они отнимают у нас ещё возможные верные шаги.

И в этом круговом замкнутии – как же нам? Сколько раз я слышал этот настойчивый вопрос в разных углах России. Как стряхнуть с себя обречённую отданность? Как нам преодолеть в себе страх? Во всемирной истории не раз звучал клич отважных: «Свобода или смерть!» Неужели наш удел – лишь стон: «Покорность или смерть...»?

Но чего нельзя, нет, – решать дело оружием. Это значило бы – допоследне развалить нашу жизнь и погубить народ. Оружейные песни не знают доброго конца.

Однако же, кто не видит? – какие-то клоки свободы всё же брошены нам сейчас, допущены – и как же можно не использовать их? Вон, шахтеры как-то пытались создавать «комитеты спасения», независимые от властей. Может быть, и так. Может быть, это и лучшая форма, когда народ доведен уже до крайности. Наше спасение – только в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх.

Ах, если бы, если бы мы были способны к истинному всеобъединению: мирными средствами, но воистину *всенародно* выразить наш гнев – так, чтобы власти в своём мраморном корыте задрожали и очнулись. В других странах такими массовыми выходами и поворачивают ход своей истории.

А пока не способны, то вот и правило: *Действуй там, где живёшь, где работаешь!* Терпеливо, трудолюбиво, в пределах, где ещё движутся твои руки.

СТРОИТЕЛЬНОЕ

Множественное большинство русского народа ныне пригнетено своей беспомощностью, ограбленностью, нищетой. Но не уклонимся осознать и страшней: русский народ в целом потерпел в долготе XX века – историческое поражение, и духовное, и материальное. Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 года, теперь платим за выход из неё – и тоже катастрофический. Мы сломали не только коммунистическую систему, но доламываем и остаток нашего жизненного фундамента.

Осознать – не значит принять и покориться. Но значит: опомниться, пока ещё не истекли все сроки. Успеть найти направление выхода и напрячь силы к нему.

А раньше всего – к нашему внутреннему выздоровлению.

Ибо больней и опасней нашего хозяйственного хаоса – наш кризис духовный. Если дать подорвать и душу народа – это уже его уничтожение. «Нечего и браться за восстановление России без совести и без веры» (Ив. А. Ильин).

Если мы действительно способны высвободиться из того примитивного материалистического мироучения, в котором воспитывали нас десятилетиями, что бытие, бытие, бытие определяет сознание, то нам неизбежно понять и принять: будущее наше, и наших детей, и нашего народа – зависит первой и глубинней именно от нашего сознания, от нашего духа, а не от экономики.

Страшней того, как успели разграбить и распродать Россию, – откуда выросло из нас это жестокое, зверское племя, эти алчные грязнохваты, захватившие и звание «новых русских»? с таким смаком и шиком разжиревшие на народной беде? Ведь ещё губительнее нашей нужды – это повальное бесчестие, торжествующая развратная пошлость, просочившая новые верхи общества и изрыгаемая на нас изо всех телевизионных ящиков.

И ещё – эти легкопокупные «киллеры»? (Бог миловал, русского слова для них не нашлось.)

И – где последний рубеж этого скатывания?

И – с кого бы нашей молодёжи брать пример? Кем – гордиться?..

Да разве это – мы, какими знаем себя по вековой цепочке? Разве девиз «как можно богаче!» – наша отечественная традиция? Разве напряженная гонка, так властно охватившая души, – «личный успех!», «лишь бы я преуспел, во что бы то ни стало!» – это наша извечная

черта? Да нас веками и высмеивали за то, что нет у нас такой черты.

Так неужели ж этой новой изломной порче – молча отдадим души наших детей? Ведь – уведут их прочь, уведут! Мы уже, уже теряем возраст за возрастом!

Что потеряли мы в *землях* – это для России ещё не потеря. И после всего отрезанного от нас – населена Россия ещё так прореженно, как не допустит XXI век. «Великими» коммунистическими стройками мы разрушили то, что демографы называют *живая ткань расселения*. Прежде чем от нас отошли государства с миллионами русских – мы внутри России потеряли саму Россию, «бесперспективную» нашу колыбель.

Нет, не в земельных просторах наш главный понесенный ущерб. Духовная жизнь народа важнее обширности его территории и даже уровня экономического процветания. Величие народа – в высоте внутреннего развития, а не внешнего.

И последнее, что у нас ещё осталось отнять, – и отнимают, и воруют, и ломают ежедневно – сам Дух народа. Вот этой разбойной, грязнящей атмосферой, обволакивающей нас со всех сторон.

За эти четыре года поездив, поездив по России, поглядев, послушав, – заявлю хоть под клятвой: нет, наш Дух – ещё жив! и – в стержне своём – ещё чист! Там, там, на встречах, – не я сказал, мне говорили, меня убеждали: «Только бы спасти душу народа! – и спасётся всё!»

Да. Дух – способен изменить направление любого, наигибельного процесса. Откатить и от самого края бездны. Кому – не поверится. Но кто за жизнь свою уже убеждался в правоте и могуществе Высшей Силы над нами – тот поверит, что и после прокатанного по нам столетия – есть у русских надежда. Не отнята.

Ощутить каждому, что ты – не щепка, что ты *можешь* повлиять на идущее: когда – через бесстрашие, когда – через выдержку. А иначе – кому же вытягивать? детям? внукам? Да разве им будет легче?

Никогда мы ничего не дождёмся от властных благодетелей, прежде чем поверим, что мы сами – исполнители своей судьбы. Только мы сами, если имеем волю не сгинуть с планеты вовсе (а это – грозит), должны своими силами подняться из нынешнего гибельного прозябания. Изменить – само поведение наше: усталое безразличие к своей судьбе.

Как преодолеть нам всегдашний наш порок – косность, вялость в общественной жизни?

Впрочем, всякий порок – оборотная сторона добродетели. Строгий судья русской судьбы Чаадаев писал [письмо Тютчеву]: «Почему же мы до сих пор не осознали нашего назначения в мире? Уж не заключается ли причина этого в том самом духе самоотречения, который Вы справедливо отмечаете как отличительную черту нашего национального характера?» – Может быть, и наше самоотречение, и ещё какие-то ростки душевные кому-то в мире тоже пригодятся?..

Мой *дух*, моя *семья* да мой *труд* – добросовестный, неусыпный, без оглядки на захлѣбчивую жадность воровскую, – а как иначе вытягивать? Хоть бы и секира опустилась на воров (нет, не опустится), а без труда всё равно ничего не создастся. *Без труда – нет добра*. Без труда – и нет независимой личности.

Долог путь, долог. Но если мы опускались едва не целое столетие – то сколько же на подъѐм? Даже только для осознания всех утрат и всех болезней – нам нужны годы и годы.

Сохранимся ли мы физически-государственно или нет, но в системе дюжины мировых культур *русская* культура – явление своеобычное, лицом и душой неповторимое. И не пристало нам обречѐнно отдаваться потере своего лица, ронять дух своей долгой истории: мы больше можем потерять дорогого своего, чем приобрести чужого взамен.

Не нынешнему государству служить, а – Отечеству. Отечество – это то, что произвело всех нас. Оно – выше, повыше всяческих преходящих конституций. В каком бы надломе ни пребывала сейчас многообразная жизнь России – у нас ещё есть время остояться и быть достойными нашего нестираемого 1100-летнего прошлого. Оно – достояние десятков поколений, прежде нас и после нас.

И – не станем же тем поколением, которое всех их предаст.